

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Бабоша Иван Александрович

**Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской
заграничной агентуры**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель —

Борисенок Юрий Аркадьевич —
кандидат исторических наук

Официальные оппоненты —

Аржакова Лариса Михайловна —
доктор исторических наук, доцент,
ФГБУН Институт славяноведения РАН,
Отдел истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время
(Центр по изучению истории
многонациональной Австрийской
империи), ведущий научный сотрудник
Таньшина Наталия Петровна —
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации», Институт общественных
наук, кафедра всеобщей истории,
профессор
Комзолова Анна Альфредисовна —
кандидат исторических наук, ФГБУН
Институт научной информации по
общественным наукам РАН, Отдел
истории, старший научный сотрудник

Защита диссертации состоится «31» марта 2025 г. в _____ часов на
заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-
416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3331>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Польская политическая эмиграция (известная как «Великая эмиграция») 1830–1870-х гг. образовалась в результате поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском против Российской империи. Неудачные повстанческие выступления польского национального движения в 1846 и 1848–1849 гг. в Австрии и Пруссии, с одной стороны, и, с другой стороны, поражение еще одного крупного Январского восстания 1863–1864 гг. на землях бывшей Речи Посполитой в составе России породили очередные волны эмиграции.

В лице «Великой эмиграции» как составной части польского национального движения второй–третьей четверти XIX в. Российская империя впервые столкнулась с противником такого масштаба. Вплоть до наступления так называемого «разночинского» этапа «освободительного движения» в 1860–1870-х гг. у польской эмиграции среди врагов самодержавия не было достойных конкурентов по степени организованности.

Укрывавшиеся на территории различных европейских государств деятели польского национального движения отправляли эмиссаров на земли бывшей Речи Посполитой с целью организации новых повстанческих выступлений, возбуждали антироссийские информационные кампании в западной прессе и поддерживали контакты с деятелями международного и российского революционного движения. В связи с этим польская эмиграция вынудила руководство III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – III отделения, СЕИВК), тайной полиции Царства Польского и Министерства иностранных дел Российской империи заняться учреждением специального надзора за ней со стороны российской заграничной агентуры. И первую заграничную агентурную сеть, согласно устоявшемуся в историографии мнению, III отделение вынуждено было организовать именно для контроля за польской эмиграцией.

В историографии, в том числе российской и польской, отсутствуют исследования, в которых бы комплексно изучалось влияние польской эмиграции 1830–1870-х гг. на эволюцию системы заграничного надзора Российской империи. Кроме того, в исторической науке специально не изучались крайне важные факторы идентичности и служебной мотивации заграничных агентов польского происхождения. Наконец, практически не поднимался вопрос о том, как деятельность польской эмиграции подталкивала различные государственные органы к кооперированию их усилий по заграничному надзору на польском направлении и какие из них играли в этом ведущую роль. Рассмотрение данного аспекта может в перспективе пролить свет на глобальную проблему, выходящую за рамки нашего диссертационного исследования – как угрозы националистического и революционного характера, среди которых весьма заметное место занимала деятельность польского национального движения и политической эмиграции, воздействовали на совершенствование форм и методов противодействия им со стороны государственного аппарата европейских великих держав XIX–начала XX вв.

Таким образом, актуальность темы нашей диссертации обусловлена тем, что в научной литературе история польской политической эмиграции еще ни разу комплексно не изучалась с позиций ее врагов, а именно: российского самодержавия и заграничной агентуры на его службе. Смысл существования польской эмиграции во многом заключался в борьбе против царского правительства, именно поэтому полноценное раскрытие данной темы невозможно без учета точки зрения российской стороны.

Объектом диссертационного исследования является деятельность польского национального движения в 1830–1870-х гг., **а предметом** – деятельность польской эмиграции на территориях бывшей Речи Посполитой и приютивших ее европейских государств в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора в этот же период.

Хронологические рамки исследования охватывают период от осени 1831 г. до 1870-х гг. Нижняя граница очевидна: осень 1831 г. – время зарождения польской эмиграции и заграничной агентуры III отделения после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. Выбор 1870-х гг. качестве верхней границы обусловлен главным образом тем, что к 1878 г. большинство польских эмигрантских организаций прекратили свое существование. К тому же времени российские революционные эмигранты потеснили «польских выходцев» в качестве главных противников зарубежной агентуры. Наконец, в январе 1876 г. подошла к концу деятельность Ю. Балашевича-Потоцкого – крупнейшего из известных на данный момент агентов III отделения на польском направлении. Период 1830–1870-х гг. составляет особую эпоху, с одной стороны – заграничного сыска, с другой стороны – истории польской эмиграции.

Цель диссертационного исследования – проследить эволюцию деятельности польской эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора. Для выполнения данной цели были выделены следующие **задачи**:

- 1) Установить основные направления деятельности польской эмиграции на территории европейских стран и бывших земель Речи Посполитой с точки зрения донесений заграничной агентуры;
- 2) Проследить развитие контактов польской эмиграции с правительствами и общественно-революционными движениями стран Европы по данным агентурных отчетов;
- 3) Оценить характер и точность сведений о потенциале подрывной активности демократического и консервативного лагерей польской эмиграции в материалах зарубежных агентов;
- 4) Определить роль фактора польского национального движения в развитии институциональной основы российской политической полиции, установив, какие ведомства Российской империи были наиболее активно вовлечены в организацию агентурного надзора за польской эмиграцией и

каким образом они взаимодействовали между собой в этой сфере;

5) Изучить развитие стратегии агентурного надзора за польской эмиграцией. Иными словами – как изменялся общий план действий, цели и задачи руководства политического сыска на польском направлении;

6) Выяснить, как эволюционировали конкретные методы агентурных операций против польской эмиграции (то есть тактика или подходы непосредственно самой агентуры – например, наружное наблюдение, политическая провокация и т.п.);

7) Выделить типы действовавших на польском направлении агентов с точки зрения их целей и методов.

8) Выявить, какова могла быть служебная мотивация агентов польского происхождения и какой идентичности они могли придерживаться (кем они себя ощущали по национальному признаку – поляками или же российскими подданными польского происхождения, как воспринимали свое социальное положение и т.п.).

Положения, выносимые на защиту:

1) На протяжении всего периода 1830–1870-х гг. в качестве постоянных угроз со стороны польской эмиграции политический сыск выделял планы цареубийства в среде наиболее радикальных группировок революционеров и отправку эмиссаров в пределы бывшей Речи Посполитой с целью агитации местного польского населения, транспортировки оружия и организации подполья, а также пропагандистские кампании в западной прессе. Ко второй половине 1860-х гг. к этому списку добавилось соучастие некоторых эмиграционных организаций в международном криминальном бизнесе по подделке российских банкнот.

2) Польская эмиграция, согласно донесениям заграничной агентуры, иногда пользовалась покровительством ряда правительств и общественно-политических движений европейских стран, но не могла полностью контролироваться ни одной из великих держав рассматриваемой эпохи. Активность польских эмигрантов имела транснациональные масштабы и

время от времени представляла опасность не только для России, Австрии и Пруссии, но и для Франции, пользовавшейся репутацией главной защитницы эмиграции. В связи с этим французское правительство иногда сотрудничало с самодержавием с целью нейтрализации наиболее опасных радикалов. В свою очередь, монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, участвовавшие вместе с Россией в разделах Речи Посполитой, временами могли попустительствовать антироссийской активности польской эмиграции.

3) Европейские революционные организации иногда вовлекали часть радикально-демократических группировок польской эмиграции в свою деятельность в качестве «младших партнеров», но, как и правительства великих держав, не руководили ими напрямую. Революционно-демократический лагерь польской эмиграции видел во французских и итальянских революционерах своих союзников и временами оказывал им поддержку, однако основной фокус его усилий был направлен на подрывную деятельность против Российской империи, в меньшей степени – против Австрии и Пруссии.

4) В оптике агентурных отчетов консервативный лагерь польской эмиграции представлял меньшую угрозу, чем революционно-демократические группировки, поскольку не ставил своей задачей немедленную организацию вооруженного восстания в польских землях и опирался, главным образом, на дипломатическую поддержку западных правительств и пропольскую агитацию в западном общественном мнении. Вместе с тем заграничная агентура подчеркивала большую организованность «Отеля Лямбер» по сравнению с другими эмигрантскими группировками, а также обратила особое внимание на планы князя А. Чарторыйского настроить против России зарождающиеся национальные движения народов Османской империи в 1840-х гг.

5) Точность донесений политического сыска о польских эмигрантах и вообще эффективность его деятельности на польском направлении не поддаются однозначной оценке. Заграничная агентура была неплохо

проинформирована о различиях между революционно-демократическим и консервативным лагерями польской эмиграции, а также успевала оперативно отслеживать информацию об отправке тех или иных эмиссаров польского национального движения на территории бывшей Речи Посполитой. Довольно точные и нюансированные сведения о взаимоотношениях западных правительств и польской эмиграции поступали по дипломатическим каналам, что особенно демонстрируют донесения Я.Н. Толстого периода Крымской войны. Но в отдельных случаях угроза со стороны эмиграции недооценивалось (как показал период накануне Январского восстания 1863–1864 гг.), неоднократно делались ложные оптимистические прогнозы о скором и неминуемом распаде эмиграции.

б) Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, после подавления польского восстания 1830–1831 г. в с целью контроля за польской эмиграцией на базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой в своих руках, а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными. Эта система представляла собой децентрализованную совокупность различных ведомств, главными из которых являлись: III отделение СЕИВК, тайная полиция Царства Польского под руководством И.Ф. Паскевича и министерство иностранных дел. В 1837–1839 гг. возросшая активность польской эмиграции повлекла за собой создание центра координации усилий этих государственных органов – «Секретного комитета высшего политического надзора», в работе которого участвовали сановники из перечисленных выше ведомств.

7) В николаевскую эпоху (до 1855 г.), когда в центре внимания польской эмиграции оказались консолидация собственных сил и пропаганда идей «национально-освободительной» борьбы на территориях польских земель, стратегия агентурного надзора за польской эмиграцией носила преимущественно оборонительный характер. Главной целью заграничной агентуры было предупредить руководство об отправке польских эмиссаров в

пределы бывшей Речи Посполитой с тем, чтобы местные власти могли предпринять меры к их поимке. Задачи информационного фронта ограничивались аккуратным опровержением наиболее одиозных пропагандистских атак со стороны польской эмиграции в западной прессе.

8) В царствование Александра II, в связи с убеждением лидеров эмиграции в ослаблении России после Крымской войны, в их среде усиливается убеждение в возможности обретения независимости с помощью нового восстания. Как результат, меняется стратегия агентурного надзора за польским национальным движением, она становится более наступательной. Впервые зашла речь о том, что польскую эмиграцию необходимо нейтрализовать при помощи операций заграничной агентуры. Остается неизвестным, в какой степени переход к активной борьбе против польской эмиграции был санкционирован высшим руководством политического сыска. Внедрение новых подходов происходило в результате инициативы «снизу» – местными полицейскими сановниками (пример Ф.Ф. Трепова) либо отдельными агентами польского происхождения (пример Ю. Балашевича-Потоцкого). Профессиональная подготовка кадров для заграничной агентуры на польском направлении так и не стала стратегической задачей политического сыска, а низовые агенты так и не получили возможности продвигаться по служебной лестнице.

Методологическая основа исследования. В данной диссертации использованы как традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный), так и междисциплинарные подходы в духе «новой имперской истории», политической антропологии и «новой социальной истории».

Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию деятельности польской эмиграции в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора от зарождения эмиграции в 1830-х гг. до ее угасания в 1870-х гг. Историко-сравнительный метод используется для

сопоставления данных агентурных донесений о различных группировках польской эмиграции, «поколений» заграничной агентуры на польском направлении, методов агентурной работы, а также представлений самих руководителей политического сыска о том, как должна быть организована агентурная деятельность в среде польской эмиграции. Историко-типологический метод дает возможность упорядочить и конкретизировать данные из материалов политического сыска путем вычленения направлений подрывной деятельности польской эмиграции, категорий заграничной агентуры и методов сыскной деятельности на польском направлении.

Историко-системный метод применяется для локализации агентурных мероприятий российского политического сыска в среде польской эмиграции в контексте польской и вообще национальной политики российских властей, социально-политической обстановки внутри Российской империи, а также системы международных отношений той эпохи.

«Новая имперская история» как течение мировой историографии оформилось в конце XX в. Она отказывается от двух крайностей традиционной позитивистской историографии. С одной стороны, от рассмотрения истории империй без учета региональной специфики. С другой стороны, от сведения всего многообразия имперского опыта к освободительной борьбе национальных окраин против «гнета» центральных властей. Вместо этих двух крайностей «новая имперская история» предлагает реконструировать многогранную палитру взаимодействия имперских властей и местных сообществ. При таком подходе задача исследователя состоит в том, чтобы выявить логику поведения каждой стороны этого взаимодействия, а не встраивать историю того или иного региона в искусственные рамки национальных мифологий¹. Польский вопрос в 1830–1870-гг. имел транснациональное измерение в полном смысле этого слова. Изучение

¹ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 7–8, С. 29.

заграничной агентуры, действующей в рядах польской эмиграции, невозможно свести к только истории польского «национально-освободительного движения», к истории международных отношений или к истории российских спецслужб в лице III отделения. Рассмотрение данной проблематики требует учета позиций как центральной бюрократии в Петербурге (III отделение), так и особых институтов власти в национальных окраинах (наместничество в Царстве Польском), как внутрисоссийских, так и внешних факторов, микроисторического анализа идентичностей агентов и конкретных агентурных операций.

Под «*историко-политической антропологией*» понимается новое направление политической истории, вобравшее в себя методологические наработки антропологии и социальных наук. Если старая политическая историография оперировала категориями государства и нации, то историко-политическая антропология стала исследовать «политическое» вообще, то есть сам феномен власти во всех ее проявлениях. Этот феномен, в отличие от государства, характерен для любых человеческих обществ². Одним из направлений историко-политической антропологии является изучение повседневности и рутины управления, неформальных отношений во власти, существующих параллельно официальным структурам³. Данная проблематика особенно релевантна и в исследованиях о деятельности российского политического сыска в среде польской эмиграции середины XIX в. Российская заграничная агентура на польском направлении была слабо институализирована, не существовало нормативно-правовой базы, которая бы регулировала ее деятельность. Агентура не была вписана в какую-либо формальную служебную иерархию. В документах эпохи III отделения фигурирует только крайне неопределенное и широкое понятие «агент», за

² Кром М.М. Историческая антропология. Учебное пособие. СПб., 2010. С. 126–127; Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. М., 1994. Вып. 4. С. 181–182.

³ Кром М.М. Указ. соч. С. 127.

которым могли скрываться лица совершенно разного социального статуса. Важную роль могли сыграть личные связи и покровительство.

«Новая социальная история» сместила акцент с изучения строго заданных классов на изучение социальных групп, их социальных траекторий, множественных идентичностей, культурной специфики⁴. Социальная сущность как политических эмигрантов, так и заграничных агентов польского происхождения не ограничивалась только классовыми характеристиками. Очевидно, что это люди с особым складом ума, идентичностью и образом жизни – все это несомненно позволяет отнести их к специфическим социальным группам

Степень изученности проблемы. Можно выделить две группы работ, в рамках которых исследовалась рассматриваемая в диссертации проблематика. *В первую группу* мы включили историографию российской политической полиции и российской политики на территории Царства Польского и Западного края Российской империи, труды о внешней политике России и ее отношениях с западными странами. *Ко второй группе* относится историография собственно польской эмиграции, польского национального и российского революционного движений, а также российско-польских революционных связей XIX в. В работах первой группы польская эмиграция выступала в качестве одного из множества факторов международной политики или в качестве объекта надзора со стороны политического сыска и других ведомств, но далеко не главным предметом изучения.

В историографии российского полицейского сыска второй и третьей четверти XIX в. основное внимание традиционно уделялось внутривнутриполитическим аспектам – в частности, цензурным и репрессивным функциям III отделения СЕИВК, а также тесно связанной с ним жандармерии.

⁴ Савельева И.М. Новая «социальность» социальной истории // Высшая школа экономики. Серия WP6 "Гуманитарные исследования". 2015. № 3. С. 12.

Среди дореволюционных работ следует отметить монографию М.К. Лемке⁵. Полноценное изучение заграничной агентуры тайной полиции началось уже после Февральской революции, когда новые власти приступили к рассекречиванию полицейских архивов царской России и знакомству их с общественностью. Важной вехой стал выход (посмертно) в 1917 г. статьи известного историка российского революционного движения В.Я. Богучарского (1860–1915)⁶. В работе был опубликован «Обзор деятельности III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии за 50 лет. 1826–1876 гг.» – секретная историческая справка, преподнесенная Александру II по случаю 50-летия ведомства. В данном обзоре создание заграничной агентуры III отделения связывалось с необходимостью организации слежки за образовавшейся в начале 1830-х гг. польской эмиграцией⁷.

В межвоенную эпоху первую попытку обобщения проблематики заграничной разведки Российской империи на широком круге источников предпринял польский историк Ян Кухажевский во второй части третьего тома семитомной монографии по российской истории «От белого до красного царизма», вышедшей в 1928 г. (в русском переводе Ю.А. Борисёнка – в 2018 г.)⁸. В тогдашней советской историографии первой обобщающей работой об истории III отделения стал очерк 1930 г. И.М. Троцкого⁹. В западной русистике кроме монографии Я. Кухажевского следует отметить труды 1960-х гг. американских исследователей С. Монаса¹⁰ и П. Сквайра¹¹, а также

⁵ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. По подлинным делам III отделения Собственной Е.И. Величества канцелярии. СПб., 1909.

⁶ Богучарский В. Я. Третье отделение о самом себе // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 85–126.

⁷ Там же. С. 92–93.

⁸ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018.

⁹ Троцкий И.М. III отделение при Николае I. М., 1930. С. 59.

¹⁰ Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.

¹¹ Squire P.S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968; Squire P. S. The Metternich-Benckendorff Letters, 1835–1842 // The Slavonic and East European Review. London, 1967. Vol. 45, No. 105. P. 368–390.

французского историка М. Кадо¹². Среди советских работ после очерка И.М. Троцкого необходимо упомянуть диссертацию Т.Г. Деревниной¹³, а также труды И.В. Оржеховского¹⁴.

В постсоветской историографии особенного внимания заслуживают труды специалистов по политическому сыску О.Ю. Абакумова¹⁵, Г.Н. Бибикова¹⁶, А.Г. Чукарева¹⁷, В.В. Романова¹⁸, Н.В. Макаровой¹⁹, В.И. Пороха и О.Б. Росляковой²⁰, Д.И. Олейникова²¹, О.К. Иванова²², В.С. Измозика²³, Ю.В. Рыжовой²⁴, литературоведа А.Л. Осповата²⁵, франковедов П.П.

¹² *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris, 1967.

¹³ *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

¹⁴ *Оржеховский И.В.* III отделение // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 109–120; *Он же.* Самодержавие против революционной России. М., 1982.

¹⁵ *Абакумов О.Ю.* У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 127–138; *Он же.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008; *Он же.* III отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826-1866 гг. М., 2017; *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019.

¹⁶ *Бибилов Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009;

¹⁷ *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России: 1825—1855 гг. М; Жуковский, 2005.

¹⁸ *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826-1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

¹⁹ *Макарова Н.В.* Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 156.

²⁰ *Порох В.И., Рослякова О.Б.* III отделение при Николае I. Саратов, 2010.

²¹ *Олейников Д.И.* Бенкендорф. М., 2014. С. 365–366.

²² *Иванов О.К.* «Корреспонденты» А.И. Чернышева // История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова. М., 2014. С. 144–151.

²³ *Измозик В.С.* "Черные кабинеты". История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.

²⁴ *Рыжова Ю.В.* Деятельность политической полиции Российской империи в отечественной историографии // Вопросы истории. 2021. № 10/1. С. 246-252.

²⁵ *Осповат А.Л.* Тютчев и заграничная служба III Отделения // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения / отв. ред. М.О. Чудакова. Рига; Москва, 1994. С. 110–138.

Черкасова²⁶, В.А. Мильчиной²⁷ и Н.П. Таньшиной²⁸, журналиста А.С. Борисова²⁹, специалиста по политике российских властей в губерниях Северо-Западного края в XIX в. А.А. Комзоловой³⁰, историка-германиста О.В.

²⁶ Черкасов П.П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 55–62; *Он же*. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008; *Он же*. Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III: несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015; *Он же*. Резидент III отделения в Париже Яков Николаевич Толстой (По материалам российских и французских архивов) // Черкасов П.П. *Persona non grata*. Архивы раскрывают свои тайны. М., 2024. С. 52–79.

²⁷ Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. № 2. С. 303–327; Эта же статья была переиздана без значительных изменений в сборнике трудов автора 2004 г.: *Она же*. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 182–218; Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017. С. 369–404.

²⁸ Таньшина Н.П. Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе // Наука. Общество. Оборона. 2024. №1. С. 1–1; *Она же*. Русофобия: История изобретения страха. М.: 2023; *Она же*. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. №4. С. 25–25; *Она же*. На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 248–274; *Она же*. Образ России как следствие политической конъюнктуры, или метаморфозы аббата Прадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 4. 2022. С. 33–45; *Она же*. К.В. Нессельроде и Ш.А. Поццо ди Борго: дипломатический тандем // Новая и новейшая история. № 5. 2021. С. 71–82; *Она же*. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018; *Она же*. Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. № 2. 2018. С. 15–26.

²⁹ Борисов А.Н. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001.

³⁰ Комзолова А.А. Европейские революции на пороге Российской империи: борьба III отделения против польской конспирации в 1830–1840-х гг. // Русский сборник. Т. XXXII. М., 2022. С. 117–131; Комзолова А.А. Власть, Православная церковь и реформы народной школы в Северо-Западном крае в 1860-х годах // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2022. С. 188–258; *Она же*. Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 78–89; *Она же*. Особые полномочия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: кадровый аспект // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 44–52; *Она же*. Западный комитет и народная школа в Северо-Западном крае (1862–1864) // Российская история. 2021. № 6. С. 61–77; *Она же*. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Она же*. Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2023. № 1. С. 68–74; *Она же*. Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 127–137; *Она же*. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // Российская история. 2020. № 2. С. 159–173.

Заиченко³¹, историка-богемиста О.В. Павленко³² и др. С точки зрения методологии политического сыска большое значение имеет также научное творчество современного греческого исследователя австрийского и прусского политического сыска Х. Алипрантиса³³.

Отдельно также нужно упомянуть литературу о политическом сыске и российской военной администрации Царства Польского. Периодом до подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. занимались польские историки М. Карпиньская³⁴ и П. Винценчук³⁵. Среди заметных работ об эпохе после подавления восстания необходимо отметить труды польских исследователей А. Прухника³⁶, Э. Качиньской и Д. Древняка³⁷, Ю. Борковского³⁸ и М. Кулика³⁹. В современной российской историографии полицейские органы Царства Польского отчасти рассматриваются в главе за авторством историка-полониста Б.В. Носова о российской администрации Царства Польского в коллективной монографии 2016 г., посвященной истории

³¹ Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45.

³² Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: 2023. См. также более раннюю статью автора по данной проблематике: Она же. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. М., 2016. №5. С. 3–15.

³³ Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // Central Europe. London, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.

³⁴ Karpińska M. Policje tajne w Królestwie Kongresowym // Przegląd Historyczny. 1985. № 4. S. 682–684.

³⁵ Wincenciuk P. Policje tajne w Królestwie Polskim (1815-1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // Miscellanea Historico-Archivistica. T. 19. Warszawa, 2012. S. 203–222.

³⁶ Эта статья была переиздана в посмертном сборнике трудов автора уже после Второй мировой войны: Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // Próchnik A. Studia i szkice (1864–1918). Warszawa, 1962. S. 47–104.

³⁷ Kaczyńska E., Drewniak D. Ochrona: carska policja polityczna. Warszawa, 1993. S. 22–34.

³⁸ Borkowski J. Andriej Storożenko – "Wrażenia": (fragmenty dziennika z lat 1844–1845) // Niepodległość i Pamięć. Warszawa, 2003. № 1. S. 217–242.

³⁹ Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 184–185, 217–219, 244–246.

этого региона между Ноябрьским (1830–1831) и Январским восстаниями (1863–1864)⁴⁰.

В фокусе работ *второй группы* историографии – то есть истории польской эмиграции, польского национального и российского революционного движения – находились деятельность общественных движений и революционных группировок, биографии отдельных радикалов и политических эмигрантов. Историки этого направления рассматривали донесения полицейских агентов, прежде всего, как дополнительные источники по истории польской и российской эмиграции, а не как самостоятельный объект изучения.

Начало научному изучению польской политической эмиграции положил трехтомный труд 1901 г. польского историка Л. Гадона⁴¹. Отечественная историография по большей части рассматривала эмиграционную проблематику как часть истории борьбы польского национального движения с царским правительством. Среди первых русскоязычных работ следует отметить написанные вскоре после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. труды Н.В. Берга⁴² и В.Ф. Ратча⁴³. В межвоенную эпоху среди советских историков особенно необходимо выделить Р.М. Кантора⁴⁴, а среди

⁴⁰ Носов Б.В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 134.

⁴¹ Gadon L. Emigracja polska: Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Т.1–3. Kraków, 1901.

⁴² Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 годов. М., 1873.

⁴³ Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866.

⁴⁴ Кантор Р.М. П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. 473–512.

польских – Я. Ивашкевича⁴⁵, М. Хандельсмана⁴⁶, Ю. Жмигородского⁴⁷, М. Злотожицкой⁴⁸ и др.

В период после Второй мировой войны и до распада социалистического блока благодаря тесной кооперации историков СССР и ПНР во многих работах по истории польской эмиграции и революционного движения стали активно использоваться в том числе и донесения российской политической полиции. Однако полномасштабных исследований о деятельности заграничного сыска на польском направлении от 1830–1870-х гг. так и не появилось. Публиковались работы об отдельных агентурных операциях, но в основном полицейские документы использовались исследователями в качестве дополнительного источника по истории национального движения.

После распада соцлагеря интенсивность контактов польских и российских историков заметно снизилась, но и на современном этапе появляются интересные труды, фундамент которых во многом был подготовлен благодаря почти полувековому научному сотрудничеству ПНР и СССР. Среди примеров заметных работ российских и советских историков-полонистов можно выделить труды И. М. Белявской⁴⁹, В.А. Дьякова⁵⁰, С.М.

⁴⁵ *Iwaszkiewicz J.* Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki // *Kurier Literacko-Naukowy*. № 356. 1928. S. 14–15; *Iwaszkiewicz J.* Wielka prowokacja: rzekomy rząd narodowy 1865 r. Warszawa, 1928.

⁴⁶ *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1–3. Warszawa, 1948–1950.

⁴⁷ *Żmigrodzki J.* Józef Bosak-Hauke // *Niepodległość*. Warszawa, 1933. T. VIII. S. 173–205

⁴⁸ *Złotorzycka M.* Ideologia „Ogniska Republikańskiego Polskiego” (1867–70) // *Niepodległość*. 1935. T. XII. S. 1–21; *Złotorzycka M.* Antoni Berezowski i jego zamach na Aleksandra II-go // *Niepodległość*. 1934. T. VIII. S. 321–350.

⁴⁹ *Белявская И.М.* Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.) // *Литературное наследство*. М., 1958. Т. 64. С. 751–778.

⁵⁰ *Дьяков В.А.* Глазами царского агента // *Прометей*. Т. 7. М., 1969. С. 327–340.

Фалькович⁵¹, Л.М. Аржаковой⁵², Ю.А. Борисёнка⁵³, О.С. Каштановой⁵⁴ и др., а среди польских – М. Жиховского⁵⁵, Е. Борейши⁵⁶, С. Кеневича⁵⁷, Э. Козловского⁵⁸, Ф. Рамотовской⁵⁹, С. Калембки⁶⁰, Р. Гербера⁶¹, Х. Верещицкого⁶², Е. Здрады⁶³, А. Грабского⁶⁴, Е. Сковронка⁶⁵, А. Новака⁶⁶, Л.

⁵¹ Фалькович С.М. Польская эмиграция в период упадка восстания 1863–1864 гг. // Революционная Россия и революционная Польша: сб. статей. М., 1967. С. 148–208; *Она же*. Польская «Великая эмиграция» 1831-начала 1860-х гг. // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 461–603; *Она же*. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

⁵² Аржакова Л.М. Русский патриот в Варшаве: об одной рукописи Николая Ивановича Павлищева // Textus et studia. Kraków, 2021. № 2 (26). S. 7–51; *Она же*. Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 369–388; *Она же*. Российская историческая полонистика XIX века как часть отечественной славистики // Roczniki humanistyczne. 2021. T. LXIX. Zesz. 7. S. 21–33; *Она же*. Царство Польское или Привислинский край? Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 1. С. 241–273.

⁵³ Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001.

⁵⁴ Каштанова О.С. Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 383–461.

⁵⁵ Żychowski M. Generał klęski: Ludwik Mierosławski 1814–1872. Warszawa, 1965.

⁵⁶ Borejsza J.W. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.

⁵⁷ Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.

⁵⁸ Kozłowski E. Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. Warszawa, 1973.

⁵⁹ Ramotowska F. “Wielka Prowokacja” 1864 r. w świetle nowych źródeł archiwalnych // Przegląd Historyczny. Warszawa. 1973. T. 64. Z. 1. S. 88.

⁶⁰ Kalemka S. Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862. Toruń, 1971.

⁶¹ Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 5–78.

⁶² Wereszycki H. Hotel Lambert i obóz Białych przed wybuchem powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1959. № 3. S. 514–544; Wereszycki H. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1957. № 2. S. 234–269.

⁶³ Zdrada J. Zmierzch Czartoryskich. Warszawa, 1969.

⁶⁴ Grabski A. Joachim Lelewel i demokracja niemiecka. Z dziejów międzynarodowych kontaktów polskiej lewicy w dobie Wielkiej Emigracji. Łódź, 1987.

⁶⁵ Skowronek J. Adam Jerzy Czartoryski 1770-1861. Warszawa, 1994.

⁶⁶ Nowak A. Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733-1921). Warszawa, 1995; Nowak A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831-1849. Warszawa, 1994.

Кука⁶⁷, К. Мархлевича⁶⁸, Г. Глембоцкого⁶⁹, Р. Журавского вель Граевского⁷⁰ и др. На Западе не сложилось крупных школ по изучению «Великой эмиграции», однако и там появлялись примеры фундаментальных работ, в частности, монографии западногерманского историка Х. Хана⁷¹ и бельгийско-фламандского исследователя И. Годдеериса⁷².

Подводя итог историографическому обзору, отметим, с одной стороны, что в литературе о российской тайной полиции уже более века неоднократно подчеркивалась важность фактора польской эмиграции в заграничную агентуру III отделения, однако систематических исследований этого вопроса в рамках данного направления так и не было проведено. С другой стороны, историография польской эмиграции и российского революционного движения уже давно и активно использует агентурные материалы в качестве источника, однако и в ней так и не появилось полномасштабного осмысления политики российского заграничного сыска на польском направлении в 1830–1870-х гг. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что с методологической точки зрения в литературе о тайной полиции 1830–1870-х гг. хорошо

⁶⁷ Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996.

⁶⁸ Marchlewicz K. Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831–1863). Poznań, 2008; Marchlewicz K. For Independent Poland and the Emancipation of the Working Class: The Poles in the IWMA, 1864–1876 // "Arise Ye Wretched of the Earth": The First International in a Global Perspective / Bensimon F., Deluermoz Q., Moisan J. (Eds.). Leiden; Boston, 2018. P. 181–192; Marchlewicz K. Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // Przegląd Historyczny. 2020. T. CXI. Z. 2. S. 243–255.

⁶⁹ Głębocki H. „Diabeł Asmodeusz” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

⁷⁰ Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w „dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź, 2018.

⁷¹ Hahn H. Außenpolitik in der Emigration. Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryskis 1830–1840. München; Wien, 1978. См. польский перевод этой монографии: Hahn H. Dyplomacja bez listów uwierzytelniających: Polityka zagraniczna Adama Jerzego Czartoryskiego 1830–1840. Warszawa, 1987; Hahn H. Possibilities and limitations of Foreign Policy, in exile: Adam Jerzy Czartoryski's Hotel Lambert in Western Europe, 1831–40 // Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies / Ed. by J. Morison. New York, 1992. P. 3–25.

⁷² Goddeeris I. La Grande Emigration polonaise en Belgique (1831–1870). Elites en masses en exil à l'époque romantique. Frankfurt am Main, 2013. См. подробную рецензию Р. Журавского вель Граевского на эту монографию: Żurawski vel Grajewski R. Wielka Emigracja w Belgii (1831–1870). Wizerunek bez heroizmu // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 2016. Rocznik CXXIII. № 1. S. 103–124.

разработана в основном внутривосточная тематика, а в работах о польских радикалах и революционерах мало учитывалась позиция царского правительства и его агентов (или же она освещалась в сугубо негативном ключе). Таким образом, в исторической науке назрела объективная необходимость объединить достижения указанных выше направлений историографии и изучить данную проблематику в транснациональном, имперском и антропологическом измерениях.

Обзор источников. Источниковая база нашей диссертации – опубликованные и неопубликованные материалы политического сыска об активности польской эмиграции. С точки зрения хронологического охвата наиболее полным из них являются *ежегодные обзоры III отделения 1827–1869 гг.*, подготовленные в 2006 г. Е.И. Щербаковой и М.В. Сидоровой⁷³. Среди прочего в этих отчетах присутствовали специальные разделы польской эмиграции и национальном движении. В обзорах оседало много фактической информации, но не демонстрировались конкретные методы агентурной работы.

Восполнить недостаток сведений по конкретным агентурным операциям на польском направлении позволяют *неопубликованные документы фонда 109 (так называемого «Секретного архива» III отделения) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)*. Для освещения деятельности заграничного сыска за польской эмиграцией в 1830-х гг. исключительной важностью обладают *донесения варшавских военных губернаторов в III отделение от 30 октября (11 ноября) 1831 по 6 (18) марта 1839 г.* «Донесения» представляли собой не полноценные авторские тексты, а совокупности агентурных рапортов меньшего размера. В большинстве случаев имена заграничных агентов не раскрывались. Исключением стали донесения польских эмигрантов Антония Куберского под псевдонимом «Вернер» и Франтишека Наполеона Шостаковского, авторство которых либо указывалось

⁷³ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М., 2006.

в напрямую самом тексте (в случае Вернера), либо только подразумевалось (в случае Шостаковского).

Уникальное значение имеют не рассмотренные ранее в историографии протоколы «Секретного комитета высшего политического надзора» за 1837–1839 гг.⁷⁴, представленные двумя архивными делами из разных описей Ф. 109 ГА РФ. Этот источник позволяет отчасти пролить свет на то, как высшие сановники Российской империи анализировали поступающие к ним агентурные сведения о заграничной активности польского национального движения и как различные ведомства координировали деятельность по надзору за польской эмиграцией.

Среди донесений отдельных агентов особенно следует выделить отчеты Якова Николаевича Толстого и Юлиана Балашевича (внедренного в польскую эмиграцию под личиной графа Альберта Потоцкого), одних из самых выдающихся агентов царствований Николая I и Александра II соответственно. Эти источники позволяют, во-первых, дополнить и уточнить оценки об активности польской эмиграции, высказываемые на страницах ежегодных обзоров III отделения и других ведомственных отчетов, и, во-вторых, проследить, как эволюционировали конкретные методы агентурной работы на польском направлении.

Написанные по-французски донесения Якова Николаевича Толстого в III отделение, как и ежегодные отчеты, в настоящее время находятся в ГА РФ (Ф. 109. Оп. 4а). В 1926 г. вышла публикация донесений агента за 1848 г.⁷⁵ (с предисловием и комментариями Г. Зайделя и С. Красного), а в 1937 г. появилась статья известного историка-франковеда академика Е.В. Тарле, в которой были размещены большие выдержки из отчетов⁷⁶. В биографии Я.Н. Толстого уже современного историка П.П. Черкасова также приведены

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

⁷⁵ Революция 1848 г. во Франции. Донесения Якова Толстого. Л., 1926.

⁷⁶ Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение // Литературное наследство. Т. 31/32. М., 1937.

значительные фрагменты донесений⁷⁷. Тем не менее, большая часть этой огромной (около 2 тыс. рукописных листов⁷⁸) корреспонденции по-прежнему остается неопубликованной. В данном исследовании, где это возможно, мы будем использовать уже опубликованные на русском языке отрывки, где этого сделать нельзя – оригинальные архивные материалы на французском.

Донесения агента польского происхождения Ю. Балашевича оказались сразу в двух архивах. Часть отчетов с 1861 г. до 27 июля 1862 г. и с 1865 по 1875 г. хранится в ГА РФ (Ф. 109), другая часть (с июля 1862 по конец 1863 г.) – в Библиотеке Польской академии наук (ПАН) в Кракове⁷⁹. Составлялись они на русском языке (при этом родной язык Балашевича – польский). Единственную в настоящий момент публикацию этих донесений осуществил упомянутый выше польский архивист Рафал Гербер в 1973 г. в польском переводе, сделанном известным историком Викторией Сливовской⁸⁰. В рамках нашей работы мы будем ссылаться в основном на польское издание этих документов. Исключение составляют, во-первых, важные материалы об отношениях Балашевича с вышестоящими сановниками III отделения, которые Р. Гербер не включил в данную публикацию. Они представлены в личном деле агента в Ф. 109 ГА РФ⁸¹. Во-вторых, его аналитическая записка в III отделение от 12 июля 1864 г. («Краткий очерк агитации в Польше с 1855 по 1862 г.»), которая позволяет уточнить его представления о национальной политике России в бывших землях Речи Посполитой⁸².

Для анализа идентичности Балашевича важное значение имеют его сборник польских стихов 1859 г.⁸³, а также его научно-популярная брошюра 1868 г. на французском языке «Познай самого себя. Этюды о природе»,

⁷⁷ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867 гг.). М., 2008.

⁷⁸ Там же. С. 9.

⁷⁹ Gerber R. Komentarz // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 395.

⁸⁰ Potocki A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. T. 1-2 / Wybór, opracowanie i studium wstępny R. Gerber. Warszawa, 1973.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 154.

⁸² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 448.

⁸³ Bałaszewicz J. Niezabudki z brzegów Newy. Moskwa, 1860.

дошедшая до нашего времени в виде переиздания 1877 г. с добавлением посвящения вел. кн. Константину Николаевичу⁸⁴. Эти произведения помогают раскрыть личность Балашевича, его отношение к польскому вопросу и отчасти понять мотивы его работы на российский политический сыск.

В последнюю крупную группу агентурных источников вошли *донесения цюрихских и львовских корреспондентов Николая Ивановича Павлицева*, главного редактора и основателя «Варшавского дневника» (официальной газеты Царства Польского в 1864–1917 гг., выпускавшейся на польском и на русском языках) в 1864–1871 гг. Часть информации из переписки публиковалась в газете для дискредитации морального облика польской эмиграции в глазах российской и польской публики (например, факты привлечения некоторых выходцев к подделке российских банкнот за рубежом, различные ссоры, скандалы и прочие известия подобного типа)⁸⁵. Другие сведения, составлявшие предмет государственной безопасности, печати не подлежали и передавались Павлицевым напрямую в III отделение⁸⁶. Из агентов главного редактора «Варшавского дневника» наибольшую известность приобрел его цюрихский корреспондент, польский эмигрант и бывший участник Январского восстания *Адольф Стемпковский*.

Огромный массив эмигрантских личных документов, прессы, корреспонденции и других подобного рода текстов уже был подробно проанализирован в историографии польской эмиграции и российского революционного движения, поэтому не имеет смысла специально на них останавливаться. Исключение составляют отдельные источники, которые не затрагивались в соответствующей литературе и позволяют прояснить или дополнить те или иные аспекты агентурных донесений⁸⁷.

⁸⁴ *Potocki A.* Nosce te ipsum. Études d'après nature. Paris, 1877. 88 p.

⁸⁵ См., например, номер за 15 (27) марта 1867 г.: *Dziennik Warszawski*. 1867. № 69. S. 599.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 499, 504, 519, 541.

⁸⁷ Пример такого источника – публичное письмо польского генерала и эмигранта Мачея Рыбиньского в ноябре 1861 г., упомянутое в донесении Балашевича-Потоцкого и использованное им для организации политической провокации: *Rybiński M.* List polityczny. Londyn: Drukarnia Towarzystwa Demokratycznego Polskiego, 1861.

Некоторые дополнения об организации сыска на польском направлении позволяют сделать и личные источники высших сановников Российской империи. В диссертации использована осуществленная в 2019 г. под редакцией С.В. Мироненко публикация дневника великого князя Константина Николаевича за 1858–1864 гг.⁸⁸, в 1862–1863 гг. занимавшего пост наместника Царства Польского и покровительствовавшего агенту польского происхождения Ю. Балашевичу-Потоцкому. В самом дневнике нет данных о контактах Константина Николаевича с агентом, однако там присутствуют некоторые косвенные сведения, свидетельствующие о большом интересе наместника к вопросам полицейского сыска на польском направлении.

Подводя итог обзору, отметим, что источниковая база диссертации репрезентативна как для освещения позиции руководства политического сыска по поводу польского вопроса, так и для раскрытия механизмов агентурной работы в среде польской эмиграции. Рассмотренные источники **достоверны** в том смысле, что в них действительно отражены взгляды сотрудников тайной полиции на проблему польской эмиграции. С чисто фактологической точки зрения, конечно, следует иметь в виду, что эти документы крайне пристрастны по отношению к деятелям польской эмиграции. Тем не менее, соединение данных этих документов с наработками весьма разветвленной историографии польского национального и революционного движения позволяет представить более-менее сбалансированную картину противостояния российского заграничного сыска и «польских выходцев».

Научная новизна диссертации. В работе впервые в отечественной и зарубежной историографии представлен комплексный анализ истории польской политической эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте деятельности российского заграничного сыска и международных отношений той эпохи. В научный оборот введены некоторые неизвестные отечественным и зарубежным историкам агентурные материалы об активности польской

⁸⁸ Дневники Великого князя Константина Николаевича / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2019.

эмиграции из фонда 109 Государственного архива Российской Федерации (Ф. 109 ГА РФ).

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории Польши, России и Европы в целом. Опыт противостояния российского политического сыска и польской политической эмиграции 1830–1870-х гг. представляет актуальность с точки зрения некоторых сфер государственной безопасности, например: борьбы с радикализмом и терроризмом, ведения политической пропаганды и контрпропаганды.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность выводов диссертационной работы обусловлена критическим анализом значительного количества опубликованных и неопубликованных источников о деятельности польской политической эмиграции в 1830–1870-х гг., а также привлечением широкого круга отечественной и иностранной научной литературы по теме диссертации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в пяти научных статьях. Четыре из них вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Некоторые положения диссертации также были представлены на 9 научных конференциях, 8 докладов было опубликовано в форме тезисов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В соответствии с исследовательскими задачами и проблемно-хронологическим принципом диссертация в структурном отношении состоит из введения, трех глав, заключения, а также списка литературы и источников.

Во введении обоснованы научная актуальность, новизна, теоретико-практическая значимость, хронологические рамки, терминологический и методологический аппарат исследования, определены предмет, объект, цели и задачи работы, охарактеризованы степень изученности рассматриваемой проблемы и источниковая база диссертации.

В первой главе «Польские земли и становление системы заграничного агентурного надзора за политическими эмигрантами и революционерами в конце 1820–1830-х гг.» изучен процесс формирования институциональной основы полицейского надзора за польским национальным движением и политической эмиграцией. **В первом параграфе** «*Органы заграничного сыска польских земель накануне восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском*» обрисована история создания III отделения в контексте польского вопроса, а также организация органов политического сыска Царства Польского при вел. кн. Константине Павловиче (вторая половина 1820-х гг.). **Во втором параграфе** «*Эволюция органов заграничного сыска польских земель после подавления восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском*» рассматриваются преобразования полицейских органов Царства Польского после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 годов. **Третий параграф** «*Попытки создания системы транснационального агентурного наблюдения за польской эмиграцией в 1830-х годах. Международная деятельность Секретного комитета высшего политического надзора 1837–1839 годов*» посвящен становлению межведомственной системы заграничного агентурного надзора за польской эмиграцией в 1830-х гг., которая увенчалась формированием Секретного комитета высшего политического надзора 1837–1839 гг., деятельность которого до настоящего времени практически не рассматривалась в историографии. Делается **вывод**, что под влиянием

польского фактора на базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой, как отмечали некоторые исследователи, а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными. Главными звеньями этой системы стали III отделение СЕИВК, тайная полиция Царства Польского под руководством И.Ф. Паскевича и министерство иностранных дел.

Во второй главе *«Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора 1831–1855 гг.»* анализируются направления деятельности польской эмиграции, которые интересовали заграничный сыск, а также методы и цели агентурного надзора на польском направлении. **В первом параграфе** *«Специфика агентурной работы на польском направлении в 1831–1855 гг.»* охарактеризованы основные функции и типология российской заграничной агентуры на польском направлении в николаевский период. **Второй параграф** *«Подрывная деятельность польских революционеров и их союзников в агентурных отчетах 1830-х гг.»* посвящен проектам царубийства среди польской эмиграции и планам по отправке эмиссаров в польские земли с целью организации подпольной борьбы против самодержавия. Показано, как различные ведомства Российской империи совместно с австрийскими и прусским правительствами обменивались агентурной информацией о польских эмигрантах. Изучается вопрос о том, использовала ли российская агентура николаевской эпохи методы политической провокации в борьбе против польской эмиграции. **В третьем параграфе** *«Стабилизация системы агентурного надзора за польской эмиграцией в 1840-х гг.»* рассматривается период, когда, с одной стороны, были окончательно сформированы механизмы агентурного наблюдения николаевского царствования за польским национальным движением, и, с другой стороны, когда польская эмиграция, не добившись успехов в Российской империи, активизировала подрывную работу на территории Австрии и Пруссии. Анализируется точка зрения деятелей российского политического сыска о мерах австрийских и прусских властей по

борьбе с польскими революционерами. Исследуется политика III отделения по противодействию пропаганде польской эмиграции в западной прессе. **Четвертый параграф** «Польская эмиграция накануне и во время Крымской войны в донесениях Я.Н. Толстого» посвящен анализу политики французского и британского правительств в отношении польской эмиграции в начале 1850-х гг. в отчетах резидента III отделения в Париже Я.Н. Толстого. Делается **вывод**, что в николаевскую эпоху российская тайная полиция придерживалась практически исключительно оборонительной стратегии в противостоянии с польской эмиграцией. Ее целью была не столько борьба с «польскими выходцами», сколько недопущение польских эмиссаров в пределы Российской империи, а также точечное опровержение пропольских публикаций в западных изданиях, которое не переходило в полноценную «информационную войну».

В третьей главе «Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора после Крымской войны и до второй половины 1870-х гг.» рассматривается эволюция подрывной деятельности польской эмиграции на фоне развития николаевской системы заграничного агентурного надзора в период правления Александра II. **Первый параграф** «Новые веяния в работе заграничной агентуры в среде польской эмиграции после Крымской войны. Идентичность и национальное самосознание тайных агентов польского происхождения (на примере Ю. Балашевича-Потоцкого)» посвящен описанию нового поколения российской заграничной агентуры, которое стало активно внедрять метод политической провокации в практику агентурной работы. Особенный акцент делается на карьерной траектории, идентичности, мировоззрении и служебной мотивации Юлиана Балашевича-Потоцкого – наиболее выдающегося агента польского происхождения данной эпохи. **Во втором параграфе** «Польская эмиграция и ее противостояние с тайной полицией накануне и во время восстания 1863–1864 гг. в польских землях» изучается временной промежуток от воцарения Александра II до Январского восстания 1863–1864 гг. **В третьем параграфе** «Новая волна польской эмиграции и деятельность заграничной агентуры в ее среде во второй

половине 1860-х гг.» исследуется период от подавления вышеуказанного восстания до поражения Франции, главной покровительницы польской эмиграции, во франко-германской войне 1870–1871 гг. Помимо традиционных видов подрывной активности в параграфе анализируется новое направление деятельности польской эмиграции – подделка российских денежных знаков.

Четвертый параграф «Закат польской политической эмиграции. Переориентация агентурного надзора на международное и российское революционное движение в 1870-х гг.» посвящен периоду 1870-х гг., когда польская эмиграция постепенно перестала представлять самостоятельную угрозу и стала рассматриваться российским политическим сыском в качестве одного из элементов общеевропейского революционного движения. Среди **выводов** этой главы выделяется тезис о том, что оборонительно-пассивная концепция сдерживания «польских выходцев» времен правления Николая I, которая ограничивалась мерами по недопущению заграничных эмиссаров в пределы России, в эпоху «Великих реформ» Александра II сменилась наступательной стратегией, основанной на деморализации польской эмиграции и ее уничтожении изнутри. Кроме того, подчеркивается, что новый импульс развитию системы заграничного сыска на польском направлении дали не реформы чиновников «сверху», а низовая общественная инициатива в лице выходца с национальных окраин Российской империи Балашевича.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации обобщаются и анализируются главные результаты исследования, а также излагаются перспективы дальнейшей разработки темы. Подчеркивается, что меры по организации заграничной агентуры на польском направлении принимались ad hoc, при появлении той или иной сиюминутной угрозы, а не в результате долговременного стратегического планирования. Обращается внимание на то, что в период 1830–1870-х гг. не существовало единых стандартов заграничного надзора за польской эмиграцией, поэтому конкретные методы агентурной работы

определялись не жесткими нормативными документами, а оставлялись на усмотрение конкретных руководителей тех или иных агентурных сетей. Приводятся уточняющие замечания о международном контексте деятельности российского заграничного сыска на польском направлении. Во-первых, что в сфере борьбы с польским национальным движением Россия не имела полноценных союзников, но при этом и не находилась в полной изоляции. Во-вторых, польская эмиграция в целом (если не говорить о конкретных группировках) была не послушной марионеткой тех или иных политических сил, а непредсказуемой стихией, которую лишь иногда удавалось временно «приручить». В финальной части заключения делаются **выводы** о месте, которое противостояние российского заграничного сыска и польской эмиграции в 1830–1870-х гг. занимает в истории польского и российского революционного движения и в истории спецслужб. Отмечается, что исходившие от польской эмиграции опасности отчасти предвосхитили угрозы со стороны внутрироссийских радикальных группировок, набравших силу к 1860–1870-м гг. Польским конспираторам не удалось убить монарха, но это получилось у народовольцев. Появление донесений во второй половине 1860-х гг. о вовлечении части политических эмигрантов в фальшивомонетничество предугадало появление связей между преступным миром и революционным движением. Наконец, выдающийся агент-provokator Ю. Балашевич-Потоцкий в некотором смысле стал предтечей известных деятелей на службе Охранного отделения. Автор предлагает некоторые возможные пути развития исследуемой в диссертации темы, а именно: более подробно рассмотреть взаимодействие органов правопорядка других европейских держав (Австрии, Пруссии, Франции и др.) и польской эмиграции, провести комплексный анализ пропагандистских акций польской эмиграции в западном общественном мнении, а также обобщить данные о сотрудничестве польской эмиграции с другими европейскими революционными движениями и политическими эмигрантами.

Список публикаций по теме диссертации

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах из ядра РИНЦ, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. – Всеобщая история:

1. *Бабоша И.А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839) // Славяноведение. 2024. № 3. С. 5–17. (1,11 п. л., импакт-фактор РИНЦ 0,246).

2. *Борисёнок Ю.А., Бабоша И.А.* Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемповского (1867–1870 гг.). // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2023. Т. 64. № 5. С. 35–48 (0, 81 п. л., авторский вклад – 0, 405 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,217).

3. *Бабоша И. А.* Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в Третье отделение) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 34–52 (1,01 п. л., импакт-фактор РИНЦ 0,23).

4. *Бабоша И.А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // Родина. 2022. № 10. С. 106–109 (0, 378 п. л., импакт-фактор РИНЦ 0,033).

II. Иные публикации по теме диссертации:

5. *Бабоша И. А.* Политика Франции и Великобритании в отношении польской эмиграции накануне и во время Крымской войны (по донесениям агента III отделения Я.Н. Толстого) // Историки-слависты МГУ: Кн. 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Г. Ф. Матвеева. Научный сборник / Отв. ред. Ю.А. Борисёнок, З.С. Ненашева, А.Н. Литвинова. М., 2023. С. 88–98.